

Helena Bilutenko

DOI: 10.15290/bb.2020.12.02

*Grodzieński Państwowy Uniwersytet
im. Janki Kupały*

<https://orcid.org/0000-0002-2036-5168>

От романтических баллад к шляхецкой гавенде: жанровая эволюция творчества Яна Барщевского

Ян Барщевский – поэт и прозаик, один из зачинателей новой белорусской литературы – фигура в истории литературы несколько загадочная, романтическая. В его биографии много белых пятен. Не известна точная дата его рождения: разные исследователи утверждают, что это могут быть 1790, 1794, 1796 или 1797 годы. Вызывает вопрос, почему во второй половине 30-х годов XIX века Я. Барщевский не опубликовал ни одного произведения, в то время как его корреспонденция свидетельствует об интенсивной и плодотворной работе. До сегодняшнего дня не найден рукописный архив, в котором сохранялась бы большая часть неопубликованных произведений автора. Писателя иногда называют «белорусским Гоголем» или «белорусским Гофманом»¹. Такие параллели вполне допустимы, что, однако, не мешает Барщевскому оставаться в истории литературы прекрасным самобытным писателем.

Патриот Беларуси, Барщевский прекрасно знал белорусский язык, но выбрал для творчества польский – литературный язык Беларуси того времени. В предисловии к главной своей книге о шляхтиче Завальне (1846) автор объяснил этот выбор стремлением сделать книгу доступной для читателя: *Nie wszystkim czytelnikom może być zrozumiały białoruski język, a więc te gminne opowiadania, które słyszałem z ust ludu, postanowiłem ile mogąc w dosłowném tłumaczeniu napisać po polsku*².

¹ Zob. М. Хаўстовіч, *Паэт і казачнік азёрнага краю*, (w:) *Баршчэўскі Я., Выбраныя творы*, Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998, s. 5–28.

² J. Barszczewski, *O czarnoksiężniku, i o żmii wyległej z jajka koguta*, (w:) *Szlachcic*

Барщевский был выходцем из обедневшего шляхетского рода. Несмотря на это, ему, как сыну священника, удалось получить образование в Полоцкой иезуитской коллегии, где и началось его литературное творчество. Барщевскому легко давались стихи как на польском, так и белорусском языках³. Известно, что во время учебы в 1809 году им была написана целая поэма «Пояс Венеры», которая, однако, не сохранилась. Будучи человеком одаренным, он также великолепно рисовал. Образование позволило ему в дальнейшем жить и работать в столичном Санкт-Петербурге, где он устроился на работу в Морское ведомство. Благодаря этой службе будущий писатель увидел мир: он побывал во многих странах Европы, в том числе Англии, Франции, Финляндии... Но любовь к науке и поэтическая натура Барщевского были сильнее. Стремясь к независимому образу жизни, он вскоре покинул службу и вернулся к урокам в частных домах, а затем более десяти лет преподавал греческий и латинский языки в нескольких учебных заведениях Петербурга.

Живя в Петербурге, Барщевский оказался вовлеченным в литературную жизнь столицы. Особенно важную роль в идейно-художественном становлении Барщевского-писателя сыграли контакты с кругом петербургских поляков, объединившихся в литературную группировку вокруг «Тыгодника Петербургского», которую еще называют «*koteria petersburska*»⁴. Во главе группировки был авторитетный писатель и критик Михал Грабовский.

Исключительно важной для Барщевского стала также встреча с Адамом Мицкевичем. Историки литературы считают, что эта встреча произошла в конце 20-х годов: пытаясь наладить издание журнала «*Trys*», Мицкевич находился в Петербурге сначала с 6 декабря 1827 по 27 января 1828 года, а затем – в апреле 1828 года, когда он окончательно переселился в Петербург, где жил до 15 мая 1829 года, т.е. до кон-

Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844, s. 16. W cytatach autor artykułu zachowuje ortografię i interpunkcję oryginalnego tekstu.

³ Правда, его стихи на белорусском языке были напечатаны только в 1843 году в журнале «*Rocznik literacki*». Zob. R. Podbereski, *Białoruś i Jan Barszczewski*, (w:) *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844, ss. I–XLI.

⁴ Деятельность «*koterii petersburskiej*» является в польском романтизме ярким примером увлечения эпохой XVII–XVIII веков, а также развития связанного с ней культа исторического сарматизма, что, в свою очередь, привело к устной гавенде (как неотъемлемой части культуры шляхты) – прообразу романтического жанра, и не могло не повлиять на идейно-эстетические поиски Барщевского.

ца своей «российской одиссеи». В дневнике Константина Сербиновича, коллеги Я. Барщевского по Полоцкой коллегии, есть записи, касающиеся личных контактов Мицкевича и автора «Шляхтича Завальни». Позднее Барщевский часто рассказывал, что автор «Гражины» не только прочитал его стихи, но похвалил и даже собственноручно поправил некоторые из них. Страницы с правками великого поэта Барщевский хранил как дорогую память. Он подчеркивал, что правки касались не самой поэзии – *несовершенство формы, а не духа поправляя великий художник*⁵. Через десять лет, на рубеже 30–40-х годов, Барщевский встречался также с великим Кобзарем Украины – Тарасом Шевченко.

В творческой эволюции автора «Шляхтича Завальни» очень большое значение имело участие в судьбе альманаха «Niezabudka», основанного осенью 1839 года петербургскими студентами, выходцами из Беларуси, Литвы и Польши. «Незабудкой» альманах был назван в память о родном крае. Главным инициатором и редактором издания был Винцент Давид, который после окончания университета в 1841 году вернулся в Варшаву. А поскольку в царской России студенты не имели права заниматься коммерческой деятельностью, они обратились к Барщевскому с просьбой принять на себя обязанности издателя альманаха. В № 84 «Tygodnika Petersburgskiego» от 15 ноября 1839 года сообщалось о скором появлении нового печатного издания.

Занимаясь альманахом в течение нескольких лет, Барщевский окупился в самую гущу литературной жизни. Издание альманаха осуществлялось в самом тесном контакте с польскими писателями, входившими в «koterię petersbursburgską». Когда в конце 1840 «Niezabudka» увидела свет, издатель выслал ее экземпляры М. Грабовскому и Юзефу Игнацию Крашевскому. С альманахом активно сотрудничал Людвик Штырмер. В числе подписчиков на второй том был и Адам Мицкевич.

На страницах альманаха Барщевский активно печатал также и свои произведения. Не случайно Ромуальд Подбереский – известный критик, публицист, издатель, а также первый биограф автора «Шляхтича Завальни» – в развернутой статье «Беларусь и Ян Барщевский» (1844) заметил, что *literacki rodowód rozpoczął P. Barszczewski wydaniem*

⁵ Больше на эту тему см.: М. Хаўстовіч, *Паэт і казачнік азэрнага краю*, (в:) *Баршчэўскі Я., Выбраныя творы*, Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998, с. 5–28.

“*Niezabudki*”⁶. Следует вспомнить, что начинал он как поэт с баллад и стихотворений. Справедливости ради надо отметить, что его поэтические произведения многие литераторы-современники находили слабыми. И Л. Штырмер, и Р. Подбереский, и Игнат Головинский настойчиво советовали автору заняться иной работой. Свои критические замечания о балладах Барщевского высказал и строгий литературный критик М. Грабовский. Он считал, что баллады, основанные на белорусских народных традициях и имеющие свое неповторимое очарование, не стоит переписывать на манер литературных баллад, а лучше всего дать в первоизданной чистоте. Известно, что романтики высоко ценили наивность и искренность примитивных фольклорных произведений. Рубеж 30-х и 40-х годов XIX века считается временем повсеместного ощущения значимости для литературы народных элементов⁷. Материальный тропизм, обусловивший многие явления в литературе эпохи романтизма, становится в это время одной из основных тенденций, формирующих облик литературы в стране⁸. С этой тенденцией связано совмещение литературного творчества с обработкой исторического и фольклорного материала, этого, по образному определению Михала Чайковского, «алтаря памяти», на который народ постоянно складывает сокровища своих воспоминаний⁹. В связи с этим изменялась и функция писателя: он становился собирателем фольклорных произведений, которые затем обрабатывал.

В результате Я. Барщевский, отдавая свое время главным образом сбору подписок на альманах «*Niezabudka*», обратился к прозе, в основу которой был положен богатый фольклор. Осенью 1843 года он даже выслал Юзефу Игнацию Крашевскому для «*Athenaeum*» рассказ, который был опубликован в первом номере журнала за 1844 год. Рассказы появлялись и на страницах «*Niezabudki*». Денег на самостоятельную публикацию своего сборника у автора «*Шляхтича Завальни*» не было. К счастью, ему помог коллега по Полоцкой иезуитской коллегии Ян Эйнерлинг, как раз закончивший печатать произведения Н.М. Карамзина. Он взялся за книгу Барщевского, и в ноябре 1844 года вышел

⁶ R. Podbereski, *Białoruś i Jan Barszczewski*, (w:) *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844, ss. XXXII–XXXIII. W cytatach autor artykułu zachowuje ortografię i interpunkcję oryginalnego tekstu.

⁷ R. Zmorski, *Domowe wspomnienia i powiastki*, Warszawa: Gebethner i Wolf, 1854, s. 151.

⁸ Zob. K. Stępnik, *Poetyka gawędy wierszowanej*, Wrocław (Ossolineum) 1984, s. 32.

⁹ M. Czajkowski, *Powieści kozackie. Gawędy*, Lipsk 1863, s. 257.

первый томик, второй увидел свет в канун нового 1845 года, а в середине этого же года был напечатан третий. Барщевский завершил издание «Шляхтича Завальни» осенью 1846 года.

В этом же 1846 году за пять лет до смерти, он навсегда покинул Петербург. Юлиан Бартошевич, получивший информацию о последних годах жизни писателя от знаменитого автора «Записок Соплицы», графа Генриха Жевуского, объясняет этот поступок желанием Барщевского как можно больше увидеть на склоне лет. Поэтому он принял приглашение графини Юлии Жевуской, возвращавшейся в родовое имение Чуднов на Волыни. Можно (с большой долей вероятности) предположить, что, находясь в таком близком контакте с семьей автора «Записок Соплицы», Барщевский скорее всего был знаком с этим очень известным произведением, положившим начало шляхетской гавенде в прозе польского романтизма. Таким образом, последние годы жизни писатель провел на Украине, работая и путешествуя. Здесь же, в Чуднове, он умер 11 марта 1851 года.

Сборник «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» справедливо называют главной книгой в творческом наследии Я. Барщевского. Нужно подчеркнуть гражданское мужество автора, который на титульном листе сборника не побоялся поместить слово *Беларусь*, запрещенное для официального употребления специальным указом царя Николая Первого в 1840 году¹⁰.

Движение Барщевского к своей главной книге можно назвать закономерным: от жанра баллады – к прозе. Именно такой путь прошел в начале XIX века великий Вальтер Скотт, который в своих стихотворных балладах также стремился передать взгляды народа на историю, его отношение к сложным историческим событиям, наполняя при этом произведения элементами фантастики, предсказаниями, знаменами, что вполне соответствовало народной ментальности. Сознательно

¹⁰ Позже, в 60–80 гг. XIX века, в русской и польской прессе развернулась дискуссия вокруг белорусского вопроса, касающегося проблемы национальной самобытности белорусов. Элиза Ожешко приняла участие в этой дискуссии своими романами, которые являются непосредственной репликой в художественной форме на высказывание Н.А. Добролюбова о потенциальных могучих силах белорусского народа. Работу над темой жизни белорусской деревни Э. Ожешко непосредственно начинает в 80-е гг. по просьбе Л. Мейе – инициатора издания “десятикопеечных” рассказов для народа. В результате появились “Низины” (1884), “Дзюрдзи” (1885), “Хам” (1887). На страницах этих произведений предстал белорусский народ – многоликий, неразгаданный, почти неизвестный до этого времени польскому читателю. Благодаря Э. Ожешко тема белорусского селянина – большая тема “народа-мужика” – получила гражданство в польской литературе. Ян Барщевский обратился к теме Беларуси намного раньше.

выбрав прозу, где он не имел себе равных, Скотт, однако, продолжал обращаться к балладе, делая ее интегральной частью своих романов. Подобная эволюция закономерна для писателей, в основе произведений которых лежат загадочные, таинственные события и герои которых – люди необычные, гордые, возвышенные. В предисловии к «Шляхтичу Завальне» Барщевский пишет, что его баллады были началом того, о чем он собирался сказать подробнее, подчеркивая природную predisposition человека переходить от песни к рассказу о том, что занимает людей более всего: *Ballady były początkiem tego, o czym miałem zamiar obszerniej opowiadać. W naturze to jest ludzkiej, że od śpiewów przychodzimy do opowiadania tego, co nas najwięcej zajmuje. Sześć tomików jeden po drugim mają wyjść tych powieści, malujące najwięcej strony północnej Białorusi, bo ten kątek ziemi, zawsze jest dla mnie najmiłszym wspomnieniem*¹¹.

Добавим, что во всем творчестве Я. Барщевского неизменными остаются его любовь и уважение к родному краю и родному народу. Более всего занимала писателя духовная жизнь народа. Непосредственно самим рассказам в книге «Шляхтич Завальня» предпослана развернутая статья Барщевского о северной Беларуси – родных местах автора, характерных чертах мироощущения соотечественников. История и философия родного края интересовали писателя в первую очередь. В коротком авторском предисловии читаем:

Między ludem Białoruskim zachowują się jeszcze i teraz niektóre podania dawnych czasów, które przechodząc z ust do ust, zrobiły się tak ciemne jak mitologia starożytnych narodów. Mieszkance tego kraju, a mianowicie w powiatach: Połockim, Newelskim i Siebieżskim, od niepamiętnych czasów doświadczając cierpień, przerodzili się zupełnie w charakterze; na ich twarzach zawsze napiętnowany jakiś smutek i posępne dumanie. W fantazjach ich ciągle snują się duchy nieżywcze, które jednak służą złym panom, czarownikom i wszystkim ich nieprzyjaciółom. Ja się rodziłem tam i wyrosłem, ich skargi i smutne opowiadania, jak szum dzikich lasów, naprowadzały na mnie zawsze posępne dumania i od dzieciństwa były moją jedyną marzeniem¹².

Духовная жизнь белорусов долгое время выявлялась только в до-литературной форме – в фольклоре, сохранявшем народную память

¹¹ J. Barszczewski, *Kilka słów od autora*, (w:) *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844, t. 1, s. 3.

¹² Там же, с. 3.

о патриархальном мире прошлого, которое с течением времени выросло до уровня национального мифа, высокого символа патриотической гордости. Устные рассказы стариков о давних событиях, которые со временем до такой степени обросли сказками и чудесами, что в них оставался лишь слабый след минувшего, стали для автора «Шляхтича Завальни» историей белорусской земли, характера и чувств белорусов. Писатель сумел заглянуть под маску примитивности и понять, почувствовать, какие общественные силы пульсируют под ней. Это стало возможным благодаря тому, что автор, как подчеркивает Р. Подбереский, превосходно знал всю Беларусь, *bo ze trzydzieści razy piechotą ją obszedł i corocznie ją i teraz z Petersburga odwiedza, a wszędzie tam porządany...*¹³.

Книга Барщевского предоставляет исследователям широкий диапазон возможностей для интерпретации. Говоря о художественной форме лучшей книги Барщевского, мы исходили из положения, что любое произведение, даже наиболее «прозрачное», можно подвергнуть более широкой или более узкой жанровой квалификации. Первая касается тех правил, которые делают возможной образцовую идентификацию данного произведения, вторая относится к шире понимаемой форме. В последнем случае можно говорить, что произведение имеет форму сказки, баллады и т.д.

Известно, что характерной чертой для произведений эпохи романтизма, являются эластичность, аморфизм формы, свобода жанровых признаков. Так понимаемая форма влияла на моделирование произведения. Сам Барщевский подчеркивал, что он ни у кого не перенимал формы для своей книги. *Nie naśladowuję form, jakich używali powieściopisarze Anglicy, Niemcy lub Francuzi; sądzę, że cudzoziemski ubiór nie będzie do twarzy mieszkańcom Białorusi, bo obca dla nich gadatliwość innych narodów. Wziąłem formę z samej natury*¹⁴.

Литературоведы справедливо указывают на органическую связь книги с народными формами устного фантастического рассказа, сказкой, также с романтической балладой, притчей и шляхетской гавендой, которую Ю.И. Крашевский определял как форму необыкновенно гибкую, широкую и позволяющую вместить в себя все. Он считал, что гавенда может быть и поэмой, и повестью, и песней, и рассказом¹⁵. Текст

¹³ R. Podbereski, *Białoruś i Jan Barszczewski*, s. XLI.

¹⁴ J. Barszczewski, s. 3.

¹⁵ Zob. J.I. Kraszewski, *Władysław Syrokomla (Ludwik Kondratowicz)*, Warszawa 1894.

Барщевского можно интерпретировать как произведение, реализующее нормы коллоквиальности в рамках литературной записи и отражающее определенные традиции беседы и поведения ее участников.

Архитектоника «Шляхтича Завальни» проста. Книга состоит из тридцати восьми структурных частей. Это собственно фантастические рассказы («O czarnoksiężniku, i o żmii wylęglej z jajka koguta», «Rybak Rodźka», «Włosy, które krzyczą na głowie» i inne); вставные новеллы, выдержанные в литературном стиле, и лирические отступления. Таким образом, отдельные части «Шляхтича Завальни» представляют собой, прежде всего, ряд фантастических историй, рассказанных участниками беседы, которая разворачивается в шляхетском доме.

Важно, что Барщевский разбил текст на самостоятельные разделы, что значительно усилило смысловую наполняемость, «объектность» (Михаил Бахтин) слова, поскольку гавенда как жанр не терпит продолжительных высказываний, заслоняющих собой образ рассказчика как организующего центра. Благодаря отчетливому разделению текста, «Шляхтич Завальня» в определенной степени перекликается с «Записками Соплицы» Г. Жевуского. Не случайно тот же Р. Подберески делает замечание, что Барщевский *W swoim rodzaju nie ustąpi Soplisy*¹⁶. Но у Г. Жевуского отсутствует приключенческая фабульная линия как средство организации сюжета, а у Барщевского она есть.

Связующими, «цементирующими» элементами, благодаря которым книга воспринимается как единое целое, являются два сквозных образа. Во-первых, заглавный герой – слушатель и комментатор большинства рассказов – «шляхтич на загроде» пан Завальня. Взятый из реальной жизни, образ традиционен для белорусского фольклора, где выступает пан, любитель сказок («Не любо – не слушай!», «Пан и сказочник»), и перекликается с мировой классикой («Тысяча и одна ночь»). Вторым сквозным образом является образ племянника заглавного героя – Янки, выступающего также в роли основного рассказчика.

Во времени повествования, которое соответствует интродукции, имеющей форму традиционного для гавенды ситуационного «обрамления», именно он рассказывает читателю о шляхтиче Завальне. У этого персонафицированного рассказчика много общих черт с автором (небогатый шляхтич, выпускник Полоцкой иезуитской академии, человек, интересующийся жизнью во всех ее проявлениях). Следует отметить, что повествование Янки не стилизовано под «устную» гавенду, поэто-

¹⁶ R. Podbereski, s. XL.

му в нем содержатся литературные экскурсы рассказчика, человека образованного. Такими партиями являются описание озера и дома Завальни:

Stryj mój Pan Zawalnia, dość zamożny szlachcic na zagrodzie, żył w północnej i dzikiej stronie Białorusi: jego dworek czarujące miał okolice; na północ blisko mieszkania, Nieszczordo, ogromne jezioro nakształt odnogi morskiej, kiedy czas wietrzny, to w domu słyhać szum wód i widać przez okno, jak fale pokryte pianą podnoszą rybackie łodzie w górę i znowu zrzucają. Na południe niziny zielenią się krzakami łoży, gdzie niegdzie wzgórkami zarosłe brzoza i lipą, na zachód szerokie łąki i rzeka bieży od wschodu przerzynając te okolice wpada do Nieszczordy. Wiosna tam nadzwyczajny ma urok, gdy się rozleją wody po łąkach i zabrzmia głosy powracających ptaków w powietrzu, nad jeziorem i w lasach. Pan Zawalnia lubił naturę, największém jego upodobaniem było sadzić drzewa, a przeto, chociaż dom jego stał na górze, o pół wiorsty nie można go widzieć, bo był zewsząd pokryty lasem, rybakom tylko pływającym po jeziorze przed okiem stała cała budowa¹⁷.

Для книги Барщевского характерен известный прием, когда основной (авторский) рассказчик, выступающий на всем литературном пространстве книги, уступает место другим персонифицированным рассказчикам, предварительно обрисовав ситуацию. Такое ситуационное «обрамление» является главным отличительным признаком всех так называемых «устных» гавенд (т.е. таких, в которых рассказчик произносит, а не записывает свой монолог). Стиль в «обрамлении» заметно отличается от стиля рассказанных историй, представляющих собой устный рассказ, выступающий, как правило, в форме монолога, который, в свою очередь, может раскладываться на отдельные партии-голоса.

Таким образом, наряду с основным рассказчиком Янкой, как уже говорилось, появляются персональные рассказчики разных историй. Особого внимания в этом отношении заслуживают тексты, в которых двухуровневая структура повествования, – которую можно соотнести с поэтикой цитирования в гавенде, – усиливается благодаря введению новых рассказчиков: слепого Франтишка, цыгана Базыля, кумы всей околицы – жены кузнеца Авгини, рыбака Родьки. Все они – люди много повидавшие в жизни и умеющие занимательно рассказывать. Любопытно, что «обрамление» фантастических рассказов у Барщевского

¹⁷ J. Barszczewski, *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844, s. 11.

выдерживается в стиле описания, чуждом гавенде, в которой описания восходят к традициям старопольской литературы и редуцированы до минимума. Дом пана Завальни хотя и стоит на горе, но со всех сторон окружен лесом и почти не виден. Выбор шляхетского дома с его традиционным этикетом, находящимся в определенной пространственной оппозиции по отношению к внешнему миру, во многом определяет оригинальную литературную форму гавенды, которую Барщевский использует при создании картины мира. Действие, соответствующее первому, обрамляющему уровню повествования, начинается в первые дни ноября:

Wieczór był ciemny, niebo pokryte chmurami, nigdzie ani jednej gwiazdy, śnieg padał gęsty, nagle powstają północne wiatry, w około straszna burza i zawierucha, okna zasypało śniegiem, za ścianą zawyły wichry smutnym głosem, jakby nad grobem natury, o jeden krok oko nic dostrzec nie może, i psy na podwórzu szczekają: rzucają się jak gdyby napadły na jakiego zwierza; – wychodzę z domu, słucham czy nie podeszło stado wilków, gdyż podczas burzliwych nocy te drapieżne zwierzęta najczęściej szukają sobie zdobyczy snując się tam i ówdzie około wiosek, wziąłem strzelbę nabitą, aby choć odstraszyć, jeśli będę mógł dostrzec ich iskrzące się oczy. W tém posłyszałem krzyk ludzi na jeziorze, mnóstwo odzywało się tam i ówdzie rozpaczliwych głosów jakby w straszném niebezpieczeństwie jeden drugiemu pomocy dać nie mogąc, powracam do izby i opowiadam to stryjowi. To podróżni odpowiedział, wiatr śniegiem zasypał drogę i oni błąkając się po jeziorze, nie wiedząc, w którą udać się stronę, to mówiąc wziął zapaloną świecę i postawił na oknie¹⁸.

Отметим, что описание у Барщевского сведено к беглой зарисовке дома и окружающей природы и играет служебную роль по отношению к историям, которые скоро прозвучат из уст разных участников вечерней беседы. Автор стремится, во-первых, локализовать монологи рассказчиков во времени и пространстве, а во-вторых, создать особое настроение, атмосферу, в которой прозвучат голоса персональных рассказчиков. Их сказки, или фантастические рассказы, прекрасно вписываются в рамки хорошо знакомой формулы коллоквиального контакта, свойственного гавенде. Мы встречаем здесь известный прием, когда рассказ выводится из хорошо аранжированного ситуационного претекста. Схема интродукции часто имеет вид традиционной беседы и диалогов. Это формальный сигнал “гавендовой” ситуации.

¹⁸ Tamże, s. 14

Наличие именно такой интродукции в тексте Барщевского отчетливо указывает на его связь с классическим стереотипом гавендовой ситуации, о котором много писали, начиная со «Старых гавенд и картин» (1840) К.В. Вуйтицкого, когда гавендяж говорит, обращаясь к кругу людей, близких ему по духу, и пользуется при этом языком их дружеского общения.

Ситуация в книге Барщевского проста: в доме гостеприимного шляхтича располагаются на отдых застигнутые бурей путники, от которых за постой хозяин требует только одно – рассказать интересную историю. После ужина они приходят в комнату Завальни, где хозяин угощает их рюмкой водки, а сам ложиться в постель, намереваясь, однако, не спать, а слушать. Следует вспомнить, что гавенда как непринужденная, легкая беседа людей, интересных друг другу в плане общения, была особой формой коллективного приятельского контакта на бытовом уровне. Шляхта высоко ценила «обычай гавенды». Заглавный герой Барщевского мог бы повторить слова знаменитого Северина Соплицы, чесника парнавского: *«Правду сказать, гавендка – все наше развлечение в минутах, свободных от трудов», «вся наша радость – с людьми общаться»*¹⁹. Говорящий у Барщевского находится под постоянным влиянием слушателей, которые иногда вторгаются в его рассказ, выражая свой страх, от которого у них «мороз дерет по коже», или комментируют монологическое высказывание и побуждают рассказывать дальше, как это часто делает пан Завальня.

В доверительной обстановке, в свободной беседе звучат эмоционально модулированные голоса рассказчиков, которые вновь переживают во времени повествования события, якобы с ними произошедшие либо услышанные от свидетелей. Фантастические рассказы приобретают вид гавенды, и перед слушателями один за другим разыгрываются моноспектакли, во время которых рождается особый эмоциональный контакт рассказчика с окружающими.

Вместе с тем традиционный для гавенды образ хозяина шляхетского дома полностью переосмысливается в соответствии с мировоззрением автора. Образ пана Завальни символический. Он воплощает лучшие черты национального характера белоруса: гостеприимство, мудрость, заботу о будущем, любовь к родной земле, религиозность. Через его рассуждения, афористически насыщенную речь писатель чаще все-

¹⁹ H. Rzewuski, *Pamiętki JW Seweryna Soplicy cześnika parnawskiego*, Warszawa: PIW, 1978, ss. 260, 262.

го обнаруживает свою авторскую позицию патриота родной земли, свое мировоззрение.

Шляхтича Завальню отличает интерес к прошлому, понимание духовного богатства народа, которое раскрывается в его сказках, песнях, преданиях. Пан Завальня, в чьем христианском сердце жила любовь к ближнему, всегда рад гостям, чтобы поговорить и послушать. При этом вера в Бога и Бог в сердце – ценностная ориентация, общая у хозяина и его гостей. Он своего рода меценат духовности, охранник тех, кто бережет духовные сокровища народа в своей памяти и душе. Через таких людей осуществляется связь времен и поколений. Поэтому так важны зажженная свеча в окне или фонарь на воротах дома Завальни. Приобретая символическое значение, они указывают заблудившимся в непогоду путникам дорогу к спасительному крову в прямом и переносном смысле.

Критики всегда обращали внимание на исключительно народный характер произведений Я. Барщевского. В его творчестве переплелись первобытность языческих фантазий белорусского народа и философский аспект народных бытовых понятий, тесно связанных с этими фантазиями. Ромуальд Подбереский, представляя героя своей статьи «Беларусь и Ян Барщевский» в общенациональном, историческом и бытовом, жизненном плане, подчеркивал: *To, co pisze P. Barszczewski prozą, nie dotyczy się wprost ani Historii, ani Literatury, ani języka Białejrusi, ale rzeczy ważniejszej, bo ducha i poezji narodu, skąd wyłynęła i Historia, i Literatura, i język*²⁰.

L I T E R A T U R A

- J. Barszczewski, *Szlachcic Zawalnia albo Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844.
- M. Czajkowski, *Powieści kozackie. Gawędy*, Lipsk 1863.
- М. Хаўстовіч, *Паэт і казачнік азёрнага краю*, (w:) *Баршчэўскі Я., Выбраныя творы*, Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998.
- J.I. Kraszewski, *Władysław Syrokomla (Ludwik Kondratowicz)*, (w:) *Wybór pism w 10 oddziałach*, oddział 10, Warszawa nakładem S. Lewentala, 1894.
- R. Podbereski, *Białoruś i Jan Barszczewski*, (w:) *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, tom I, Petersburg: Drukarnia Karola Kraja, 1844.

²⁰ R. Podbereski, s. XXXVI.

H. Rzewuski, *Pamiętki JW Seweryna Soplicy cześnika parnawskiego*, Warszawa: PIW, 1978.

K. Stępnik, *Poetyka gawędy wierszowanej*, Wrocław (Ossolineum) 1984.

R. Zmorski, *Domowe wspomnienia i powiastki*, Warszawa (Gebethner i Wolf), 1854.

РЕЗЮМЕ

ОТ РОМАНТИЧЕСКИХ БАЛЛАД К ШЛЯХЕЦКОЙ ГАВЕНДЕ: ЖАНРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ЯНА БАРЩЕВСКОГО

Творчество Яна Барщевского отражает историю белорусского народа, его менталитет, философию и отношение к жизни. Жанровый и стилиевой полифонизм его произведений обусловлен как собственно мировоззрением автора (религиозность, связь с эпистемологией и философией XVIII века), так и влиянием эстетики романтизма и жанров притчи, романтической баллады, сказки, гавенды. Предметом специального наблюдения являются особенности художественной формы книги «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах», связанной с использованием романтической шляхетской гавенды. Сказки, или фантастические рассказы, прекрасно вписываются в рамки хорошо знакомой формулы коллоквиального контакта, свойственного шляхетской гавенде. Барщевский использует известный прием, когда рассказ выводится из хорошо аранжированного ситуационного претекста. При этом схема интродукции в виде традиционной беседы или диалога является формальным сигналом «гавендовой» ситуации. В книге Я. Барщевского создается двух- или многоуровневая структура текста, которую можно соотнести с поэтикой цитирования в гавенде. У Барщевского мы находим также многоплановость текста, в котором соседствуют информативный уровень и оценочный, многочисленные комментарии и откровенное морализирование, также связанные с гавендой.

Ключевые слова: романтизм, романтическая баллада, сказка, притча, шляхетская гавенда, Беларусь.

STRESZCZENIE

OD BALLAD ROMANTYCZNYCH DO GAWĘD SZLACHECKICH: GATUNKOWA EWOLUCJA TWÓRCZOŚCI JANA BARSZCZEWSKIEGO

Twórczość Jana Barszczewskiego odzwierciedla historię narodu białoruskiego, jego mentalność, filozofię i stosunek do życia. Polifonia gatunkowa i stylistyczna jego dzieł wynika zarówno z własnego światopoglądu autora (religijności, związku z epistemologią i filozofią XVIII wieku), jak i wpływu estetyki romantyzmu oraz gatunków przypowieści, romantycznej ballady, opowieści i gawędy. Przedmiotem analizy są cechy formy artystycznej w książce „Szlachcic Zawalnia, albo Białoruś

w fantastycznych opowiadaniach”, związanej z wykorzystaniem gatunku romantycznej gawędy szlacheckiej. Bajki lub fantastyczne historie doskonale wpisują się w ramy znanej formuły kontakty nieformalnego, nieodłącznie związanej z gawędą szlachecką. Autor stosuje dobrze znaną technikę, gdy historia pochodzi z dobrze skonstruowanego pretekstu sytuacyjnego. Schemat wprowadzenia w formie tradycyjnej rozmowy lub dialogu jest formalnym sygnałem do podjęcia gawędy. Plastyczne i barwne opowiadania autor połączył ze słownictwem charakterystycznym dla gawędy, pełnym kolorytu, nacechowanym emocjami osób opowiadających. Powstaje dwu- lub wielopiętrowa struktura tekstu, wypływająca z gawędowej poetyki przytoczeń. Obok płaszczyzny informującej, istnieje płaszczyzna oceniająca, opiniotwórcza, komentatorska, nawet moralizatorska – właściwa gawędzie.

Słowa kluczowe: romantyzm, ballada romantyczna, baśń, parabola, gawęda szlachecka, Białoruś.

S U M M A R Y

FROM ROMANTIC BALLADS TO NOBLE GAWENDA: THE GENRE EVOLUTION OF JAN BARSZCZEWSKI'S WORK

Works written by Jan Barszczewski reflect the history of the Belarusian people, their mentality, philosophy and attitude to life. The genre and stylistic polyphony are connected with the author's worldview (religiosity, connection with the 18th century epistemology and philosophy) as well as the influence of esthetics of romanticism and genres of parable, romantic ballad, fairy-tale, legend. Artistic features of the book “Nobleman Zawalnia, or Belarus in Fantastic Stories” are in the centre of special study. Fairy tales, or fantastic stories, fit perfectly into the framework of the well-known formula of colloquial contact inherent in legends. J. Barszczewski uses a well-known technique when a story is inferred from a well-arranged situational pretext. In this case, the introduction scheme in the form of a traditional conversation or a dialogue is a formal signal of the “legend” situation. Two- or multi-level structure of the text can be correlated with the poetics of citation in the legend, too. The versatility of the text, in which we find both informative and evaluative levels as well as numerous commentaries and overt moralization, is also associated with the legend.

Key words: romanticism, parable, romantic ballad, fairy-tale, Polish nobility, legend Belarus.